

ОДИН ИЗ ЗАБЫТЫХ

"Курьер", 1901 г., No 294

Господствующим ныне литературным вкусам не удовлетворит книга г. Старостина "Выбранное что лучше".

Современный читатель ищет в беллетристических произведениях прежде всего пищи для своих "утонченных" нервов. На книжном рынке в настоящую минуту имеет большую ценность все, что доставляет какие бы то ни было "острые" наслаждения и волнения, все, что искусственно поднимает жизнедеятельность "усталой души" современного человека - одним словом, все "приподнятое", все "загадочное", все "неопределенное" и "недоговоренное", все "патологическое", все "Бессознательное". Модным писателем считается тот, кто может играть на "настроениях", кто в совершенстве владеет искусством передавать поэзию "оттенков" (nuances) и "полутонов". Особенное внимание обращается на внешнюю форму беллетристических произведений: требуется. Чтобы изысканное по вложенным в него настроениям и чувствам произведение отличалось изысканностью своей художественной техники.

Произведения г. Старостина, напротив, поражают необыкновенной простотой своей внешней формы, необыкновенной ясностью и безыскусственностью своего изложения. Это - произведения писателя, усвоившего себе литературные приемы той эпохи, когда вопрос о художественной форме не стоял на первой очереди, когда плодам беллетристического творчества придавали более серьезное значение, когда на них не смотрели, прежде всего, как на лекарственное средство, врачующее недуги "усталой души", но когда беллетристика оценивалась лишь постольку, поскольку она помогала разбираться в явлениях общественной жизни, поскольку она проводила в жизнь общественные идеалы.

Г. Старостин выступил на литературное поприще в "семидесятых" годах. Наряду с плодами творчества, относящимися к названной эпохе ("Похождения семинариста Хлопова") в его книге имеются и произведения новейшего периода: так, большой роман "Наше счастье" (или, во всяком случае, окончательная редакция этого романа) относится к последним годам истекшего столетия.* Но как в своих старых, так и в своих новых произведениях г. Старостин следует одним и те же литературным традициям; роман "наше счастье" показывает, что "веяния новой эпохи" не коснулись его автора: г. Старости не принял кодекса новых художественных понятий, не подчинился требованиям "нового искусства"... И его произведения. Взятые в целом, производят впечатление картины старого бесхитростного мастера, долго и старательно работавшего и затем. Неожиданно, явившегося из седой дали забытой старины, принесшего с собой знание лишь самых несложных составов красок, не ведающего искусно рассчитанных эффектов и подкупающего именно цельностью и правдивостью своих типов.

Центральным лицом нарисованной им картины является тип, на котором очень мало останавливалось внимание писателей семидесятых-шестидесятых годов. Это тип не того "разночинца" с уязвленным сердцем и больной совестью, которого избирал в герои своих произведений Глеб Успенский; это тип не того разночинца-скептика и разночинца-пессимиста. Которого обрисовывал в своих повестях Помяловский; это тип не того, всецело поглощенного тяжелой стихийной борьбой за жизнь разночинца. Которого выводил в своих романах Решетников; это тип не того изнывающего в безысходных и бесплодных страданиях скорбника-разночинца с детски-чуткой и нежной душой, который фигурирует в рассказах Левитова...

Это - тип "серенького", безвольного разночинца, не одаренного никакими выдающимися качествами, не способного переживать никаких глубоких душевных драм и потрясений, не смущаемого никакими "роковыми сомнениями", не задумывающегося глубоко над смыслом жизни, не придающего ей особенной ценности, не проявляющего особенного интереса к ее "благам" и равнодушно ведущего борьбу за существование.

Таковы герои трех больших произведений г. Старостина.

Вот они, эти герои: "семинарист" Хлопов (герой повести "Похождения семинариста Хлопова"), окончивший курс семинарских наук "по второму разряду", возвращающийся к себе на родину и отыскивающий себе невесту и место, - юноша, с минимальными запросами на жизнь и ограниченным умственным кругозором, развивающий себя чтением лишь таких книг, как "Анекдоты Балакирева" и "Сонник", любящий, впрочем, при случае выдать себя за необыкновенно "ученого" человека, щегольнуть, например, перед необразованной поповной знанием геометрии - "такой науки, о которую ноги обломать можно", и измеряющей высоту колокольни при помощи двух стульев, линейки и нитки,